
DOI 10.15826/QR.2015.4.137

УДК 94(47+57)+316.423.3+323.27

Константин Бугров

ЭТОТ ПОЕЗД В ОГНЕ: ХОРОШИЕ И ПЛОХИЕ РЕВОЛЮЦИИ МАРТИНА МАЛИА

Рец. на кн.: *Малиа, М. Локомотивы истории : Революции и становление современного мира.* – М. : РОССПЭН, 2015. – 404 с.¹

Konstantin Bugrov

THE TRAIN IS ON FIRE: MARTIN MAILA'S GOOD AND BAD REVOLUTIONS

Rev. of: *Malia, M. (2015). Lokomotivy istorii : Revolutsii i stanovlenie sovremennogo mira [History's Locomotives : Revolutions and the Making of the Modern World].* – Moscow, ROSSPEN. – 404 p.

The review is analyzing the last work of Martin Maila, a renowned scholar of Russian history. In 'History's Locomotives' Malia tries to provide a complex historical analysis of the very phenomenon of revolution, from the Hussites to the Bolsheviks. He argues that the revolution is essentially European phenomenon and that the revolutionary process was moving from the Western part of the continent to the Eastern one, becoming more brutal in the less developed countries and reaching its culmination in the Red October. The conclusions of the book are uncompromisingly pessimistic about the legacy of Russian revolution. A special discussion is reserved for the comparative approach, which forms the core of the author's research method. However, a comparative study requires both serious preparation and accurate formulation of a problem to avoid the transformation of a comparison into an exposure.

Keywords: M. Malia; revolution; communism; history of Europe; history of ideas.

В рецензии дан анализ последней работы Мартина Малиа, известного исследователя российской истории. В «Локомотивах истории» Малиа постарался провести комплексный исторический анализ самого феномена революции, от гуситов до большевиков. Он доказывает, что революция

¹Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

является сугубо европейским феноменом, а также что революционный процесс движется с запада континента на восток, приобретая большую жестокость в менее развитых странах и достигнув кульминации в Красном Октябре. Выводы книги бескомпромиссно пессимистичны в отношении наследия русской революции. Отдельного разговора заслуживает прием сравнения, лежащий в основе исследования. Очевидно, что этот прием нуждается в серьезной подготовке и аккуратной постановке задач, позволяющей избежать трансформации *сравнения* в *обличение*.

Ключевые слова: М. Малиа; революция; коммунизм; история Европы; история идей.

Локомотивы истории... Строго говоря, рецензируемую книгу сам автор, известный американский русист Мартин Малиа, хотел назвать «Модель и эскалация западной революции: от гуситов до большевиков, 1415–1991 гг.» Но в 2004 г. Малиа умер, и его коллеги издали книгу под названием «Локомотивы революции», под редакцией и с предисловием Теренса Эммонса. А в 2015 г. она вышла на русском языке в издательстве РОССПЭН.

За названием, которое отсылает читателя к Марксу (правда, на обложке русского издания изображен Ленин, и, что немаловажно, вниз головой, а вот локомотива не видно) скрывается грандиозный анализ тысячи лет истории европейского революционного процесса, который Малиа рассматривает как единое целое – феномен европейской истории, резко выделяющий ее на мировом фоне. Локомотив истории следует по длинному маршруту – от гуситов до большевиков. Прокатимся на нем и мы, хотя бы на подножке.

В своей работе Малиа декларирует желание анализировать историю европейского революционного процесса как часть истории идей: «В XIX в. “революция” считалась проблемой политической истории. В XX в. она перешла в разряд проблем социальной истории. Через два столетия безуспешного применения обоих подходов становится ясно, что феномен революции в первую очередь должен рассматриваться в контексте изучения истории идей» (с. 18).

Центральный тезис книги Малиа – революция движется во времени и пространстве не только от «примата политической свободы» к уничтожению неравенства и от «сравнительной умеренности» к «экстремизму», но и «из передовых обществ в отсталые». По словам автора, «от экономически развитых и политически сложных “старых режимов” атлантического Запада» революционная традиция «распространилась на более простые и милитаризованные “старые режимы” Пруссии и Австрии, а также на самый незрелый и жестокий из них – российский. <...> Данный фактор также способствует радикализации революционного процесса, поскольку продвижение

современности на восток приводит к сжатию исторических стадий, а после 1917 г. – к инверсии западного развития» (с. 16). Малиа оперирует понятием «западно-восточный культурный градиент», говоря об отсталости Восточной Европы и о сложившейся на ее пространстве череде «особых путей». Автор пишет о существовании трех составляющих этого градиента: «первой Европе» – наиболее развитой западной части континента; «второй» – менее развитой центральной и восточной, включающей Германию, западно-славянские государства, Скандинавию; и «третьей» – не сложно догадаться, наименее развитой и включающей в себя громадную Россию.

Малиа – возможно, из-за декларированного стремления использовать идеи А. де Токвиля [Токвиль, 1992; Токвиль, 2008] – уделяет основное внимание роли феодального и христианского наследия, практически ничего не говоря о наследии античном. По его мнению, между 1000 и 1300 г. сложилась «средневековая матрица особой европейской цивилизации», сформировавшая первоначальный революционный импульс, направленный против церковной иерархии и приведший к возникновению миллениаристских ересей.

Почему именно тысячный год у Малиа предстает отправной точкой европейской революционной традиции? Поскольку распад Западной Римской империи избавил Европу от бесконечной автократии *à la* Византия или Китай, империя Каролингов стала стартовым моментом, «когда жители Запада стали считать себя сообществом, отличным от других сообществ, и, кроме того, когда их самосознание воплотилось в систему устойчивых общих институтов» (с. 21). Арабские походы привели к возникновению единого христианского мира, и около 1000 г. (красивая дата, кроме прочего!) возникла европейская цивилизация. К моменту старта глобальной экспансии этой цивилизации в XV в. «ее успехи намного превосходили достижения предшествующих цивилизаций» (там же). Конечно, отмечает Малиа, «сейчас в историографии подчеркивается, что Европа столь много добилась только благодаря ограблению и порабощению других континентов. Но такое поведение присуще всем цивилизациям; зато главным образом именно европейские современные концепции демократии и прав человека, распространившись по всему миру, позволили уравновесить гордость достижениями Европы признанием ее преступлений» (там же).

Около 1000 г. на фундаменте Каролингской империи поднялся специфический «динамизм» европейской цивилизации. Малиа, ссылаясь на Марка Блока, расценивает феодализм как «договорную» систему, основанную на взаимном выполнении обязательств синьором и вассалом [см.: Блок]. Феодализм, таким образом, подорвал «идею всевластия». Благодаря падению Римской державы «духовная власть сумела заменить империю в качестве высшей силы в обществе» (с. 37). Попытки церкви христианизировать светский мир спровоцировали в качестве непредвиденного результата рост ересей –

феномен, который Малиа называет «иоакимитской революцией в представлениях о времени».

Последовавшее затем обмирщение церкви и постепенное разрушение феодальных институтов поставили под вопрос религиозное единство западного христианства; Возрождение и Реформация к XVII в. пробили в этом единстве «брешь», куда «проникла самая значительная инновационная сила из всех – научная революция XVII в.» (с. 44), растиражированная по всему континенту силами централизованного военного абсолютизма, стремившегося к рациональному упорядочению социума. В «первой» Европе новый рационализм уничтожил «старый режим» к концу XVIII в., а во «второй» и «третьей», по причине их отсталости, он продержался до начала XX в.

Итак, единое христианско-феодалное наследие средневековой Европы послужило основой для развертывания революционного процесса на континенте, а разная скорость развития по «западно-восточному градиенту» (проще говоря, отсталость восточной окраины Европы) обусловила возрастающий радикализм революции. Таковы вкратце исходные тезисы М. Малиа. Вдоль этих линий он и разворачивает свою аргументацию, рассматривая революцию вначале как религиозную ересь (гуситы, «полуреволюционная» Реформация, французские гугеноты, Нидерландское восстание), затем – как «классические атлантические революции» XVII–XVIII вв. в Англии, Америке и Франции. Для Америки революция – «великая удача», а для Франции – «воинствующая современность».

Однако, постулировав в начале книги подход к истории революций как к *истории идей*, Малиа в итоге все же переходит к *структурному анализу* революционных событий. Стремясь измерить степень радикальности революции, автор применяет одну и ту же модель, опирающуюся на такие категории, как «умеренность», «радикализм» и даже памятный по марксистской традиции «термидор». Таким образом, вместо изучения истории идей читателю в большинстве случаев предлагается следовать за структурированным описанием основных событий. История же идей важна для него постольку, поскольку она выводит на авансцену хорошо организованные идеологии. Так, Французской революции предшествовало «много откровенных размышлений о природе политики и общества: от “Духа законов” Монтескье до “Общественного договора” Руссо (это только самые очевидные примеры)» (с. 228). Английской же революции, по мнению автора, «не предшествовало ничего более подрывного, чем теологические и экклезиологические домислы да теоретизирование по поводу природы существующей совокупности правовых норм – “старинной конституции”». А вот английская политическая теория возникла только по ходу и *после* революции в творчестве Гоббса, Гаррингтона и Локка» (там же).

И уж совсем странным выглядит заявление о том, что в соединенных провинциях «почти не имели распространения республиканские теории и идеология», тогда как Английская республика², «по крайней мере, породила немного республиканского теоретизирования», представленного текстами Гаррингтона (с. 152). Характерно, что время от времени стиль книги начинает напоминать примечательные образцы марксистско-ленинского исторического языка. Говоря о революции в Америке, Малиа отметит: «Этот наименее революционный по форме из современных переворотов по демократическому содержанию полностью соответствовал самым *передовым стандартам* XVIII в. (*курсив наш.* – К. Б.)».

Показательный пример: когда речь заходит о Великой французской революции и о Робеспьере, на сцене внезапно появляется «республиканская добродетель». По Малиа, очевидно, республиканская добродетель настолько прозрачна, что не заслуживает (в отличие от сенсуализма или атеизма) специального анализа: «Добродетель означала внутреннее освобождение населения от былой порочности посредством постоянной гражданской активности. Освобожденные, настоящие граждане, составляли меньшинство. Они были, так сказать, избранниками современной эпохи, единственными настоящими республиканцами. Следовательно, чистка, осуществляемая избранными среди “нечестивцев”, – не преступление против свободы, а единственная гарантия ее выживания и триумфа. В основе этого мировоззрения не лежит какой-либо великий текст или стройная теория вроде тех, что марксизм и ленинизм позже дали революционному социализму. Ближе всего к такой теории труды Руссо, предлагающие скорее некий набор эгалитарных взглядов, нежели четко сформулированную идеологию» (с. 239). На деле проблема добродетели – особого качества, одухотворяющего республику и позволяющего человеку прожить достойную жизнь в качестве «политического животного» – была одной из центральных для той республиканской традиции, о которой писали, среди прочих, Х. Арендт и Дж. Покок [Роскок]; традиции, к которой можно отнести такие имена, как Аристотель, Макиавелли или упомянутый выше Гаррингтон.

Как бы то ни было, на Французской революции «великие атлантические революции» завершились. «Чего же следовало ожидать дальше? Только попытки начать с вечно не выполняемого обещания равенства вкупе с еще более неуловимым “братством” и добиться их путем последней и совершенной революции» (с. 250). Речь идет, конечно, о социализме, а это значит, что для Малиа эпоха «хороших», умеренных революций закончилась, и последние главы книги (часть 3 – «В поисках социалистической революции») будут посвящены революциям «плохим», радикальным.

² Переводчики неудачно перевели слово *Commonwealth* как «Содружество».

Критике, впрочем, подвергаются не столько эти революции (или, точнее, *революция*, потому что речь идет главным образом об Октябрьской революции), сколько их идейная основа – марксизм. Сталинизм, по мнению М. Малиа, был адекватным и единственно возможным воплощением марксизма, что говорит о невозможности реализации марксистской программы, которая «под руководством ленинского авангарда спустилась на землю и оказалась всего лишь низкопробным подражанием своему капиталистическому противнику». «Марксизм на практике оказался не более чем средством модернизации отсталой страны»; впрочем, на взгляд Малиа, и эту роль марксизм выполнил не лучшим образом, поскольку «есть гораздо более эффективные – и гуманные – способы поощрения экономического развития», в их числе «ускоренная индустриализация Витте, осуществляемая при помощи международного рынка», «восточно-азиатские “тигры”» или «рыночный марксизм Дэн Сяопина в Китае» (с. 324). К тому же марксизм, ликвидируя частную собственность, провоцирует «тотальный деспотизм» и «уничтожение гражданского общества».

В конечном счете, по мнению автора, советский режим «не оставил России сколько-нибудь пригодного для дальнейшего использования наследия. Какими бы кровавыми и деструктивными ни бывали подчас английская, американская и французская революции, все они создали институты, которые дожили до наших дней, вместе с идеалами, не утратившими нравственной привлекательности, – это сочетание мы сейчас обобщенно именуем “рыночной демократией”. Русская же революция, окончательно испустив дух в 1991 г., не оставила после себя ничего, кроме нищеты, руин и горечи» (с. 325).

И хотя этот крах должен был бы убедить человечество в том, что атлантическое развитие «рыночной демократии» есть вершина прогресса человечества, и дальше расти некуда, «наследникам трех атлантических революций не стоит радоваться раньше времени». Ведь «кто знает, какое благое эгалитарное дело в следующий раз будет извращено миллениаризмом и насилием»? (Там же).

Этим назиданием и заканчивается основной текст книги³.

Конечно, М. Малиа камня на камне не оставляет ни от марксизма, ни от Советского Союза, ни от эгалитаризма. В общем, эти выводы не несут в себе новизны – они повторяют последние страницы его же «Советской трагедии», исторического очерка об СССР, где автор скорбел об «аффекированной метафизике всеобщей “эмансипации человека”», чреватой подрывом умеренности, и усматривал возмож-

³ Далее следуют еще два фрагмента из бумаг М. Малиа, в той или иной степени конкретизирующие его взгляды на европейский революционный процесс, но ничего нового не добавляющие к тому, о чем уже сказано выше.

ный новый источник подобного подрыва в «эгалитаристском» экологическом движении [Malia, 1994]! Впрочем, пафос покаяния для сегодняшнего этапа осмысления советского времени вполне банален.

Возможно, из Калифорнии и впрямь видятся только «руины, нищета и горечь». А для человека, который по пути на работу проходит сквозь конструктивистские кварталы времен первых пятилеток, руины не очень просматриваются – разве что надо где-то подштукатурить. А под штукатуркой – живая история о строителях больших заводов, раскулаченных и эвакуированных, студентах и ученых первых вузов Урала; словом, о тех людях, которые навсегда изменили социальный ландшафт Центральной Евразии.

Но оставим идеологическую полемику в стороне – в конечном счете Малиа, автор предисловия к английскому изданию «Черной книги коммунизма», никогда и не скрывал своей нелюбви к марксизму и социализму [Malia, 1999]. Конечно, анализ «последней революции» превратился в антимарксистскую диатрибу, подчас содержащую ошибки.

Ограничусь только одним примером. Вот что Малиа сообщает о революции 1905–1907 гг.: «Что касается самих революционных партий – двух социал-демократических (все же фракций РСДРП, а не партий. – К. Б.), а также неонародников, объединившихся в 1900 г. в Партию социалистов-революционеров (эсеры), – они в 1905 г. играли минимальную роль и ни в каком смысле не “вели” народ» (с. 311). Малиа утверждал, что доминирование «либералов» подтверждается «выборами 1906 г. в Думе, проведенными на основе практически всеобщего избирательного права (для мужчин) и выигранными кадетами за явным преимуществом» (с. 312). Кадеты и правда выиграли выборы 1906 г., получив 179 мест в Государственной думе первого созыва. Малиа «забыл» только, что избирательный закон 1905 г. вряд ли можно считать «всеобщим избирательным правом» и что ни одна из ведущих левых партий – ни РСДРП, ни ПСР – в тех выборах не участвовала именно по причине отсутствия всеобщего избирательного права. (Впрочем, даже и в таких условиях 97 депутатов входили в состав «трудовой группы», стоявшей левее кадетов.)

Выборы в Государственную думу второго созыва, проходившие с участием и левых партий, дали большинство «трудовой группе» (104 места), за ними шли кадеты (98 мест), а РСДРП (65 мест) и ПСР (37 мест) вместе получили больше мест, чем либералы [Аврех, Грунт; Кирьянов, Лукьянов]. Неужели это «явное преимущество»? К этому следует добавить и то, что Малиа сам опровергает себя на той же странице, отмечая, что если бы либералы смогли сокрушить монархию, то «в Учредительном собрании, избранном всеобщим голосованием, большинство составили бы жаждущие земли крестьяне, подверженные влиянию социалистов, – с таким сочетанием либералы вряд ли сумели бы совладать, оставаясь в правовых рамках» (с. 312). Так все-таки социалисты оказывали влияние на крестьян или же «не “вели” народ»?

Однако важно, что книга Малиа показывает и другое. О «классических» (в терминологии автора) революциях существует обширная литература, у них есть богатая идеологическая и интеллектуальная традиция. У Октябрьской революции такой традиции нет (пока?). На мой взгляд, важнейшая проблема, над которой заставляет задуматься книга (и почему ее действительно стоит прочесть), это проблема того, *как и в каких категориях* сейчас возможна история Октябрьской революции и созданного ей государства, чтобы не выглядеть скучной лекцией на тему преимуществ рыночной экономики, демократии и общей «умеренности».

Второе важное заключение – книга Малиа заставляет критически задуматься и о границах одного важного методологического подхода, который для историков моего поколения (для тех, чье становление пришлось на конец нулевых годов XXI в.) играл роль путеводной звезды. Это вера в компаративный подход. Рассмотрение тех или иных сюжетов российской истории в европейском (или глобальном) контексте часто предстает своеобразной панацеей на фоне распада некогда всесильного марксизма-ленинизма.

Книга Малиа демонстрирует, как сравнительный анализ начинает играть злые шутки с историками, подсказывая такие аналогии, которые изначально не имеют объяснительной силы. Искушение подменить глубокую компаративистику дихотомией «норма / аберрация» сильно, особенно в условиях, когда при изучении смежных полей приходится прибегать к уже сложившейся историографической традиции, способной начать диктовать простые решения.

В главе об американской революции у Малиа ни разу не упоминается слово «рабство». Это не упрек: в традиции изучения войны за независимость США этот вопрос и впрямь является второстепенным. Речь лишь о том, что второстепенным он является в силу сложившейся интеллектуальной традиции: теоретически легко можно себе представить такой нарратив американской революции, в котором проблема рабства, напротив, будет оставаться в *центре внимания*. Значит, анализ подобных тем, предпринятый Малиа, страдает от того, что он не является самостоятельным, а зависит от привычных, сложившихся традиций описаний английской и американской революций. А поскольку ни та, ни другая страна не знали реставраций, кризисов и – главное! – масштабных военных вторжений на собственную территорию на протяжении последних двухсот лет, постольку и соответствующий нарратив оставался неизменным. Но для компаративной истории этот материал подходит слабо, поскольку слишком уж сильно он привязан к соответствующему историческому контексту.

И здесь уместно вернуться к тем утверждениям, которые автор представил в начале книги, а именно к тому, что к XV в. европейская цивилизация добилась ошеломительных «успехов». Что автор имел в виду? Возможно, здесь проявилась устойчивая традиция говорить

об этих самых «успехах». Сами европейцы XV в. вряд ли способны были их измерить, а их потомки из последующих столетий разглядели достижения и сформировали соответствующую интеллектуальную традицию. «Успехи» – это и есть умеренный мейнстрим либеральной рыночной демократии, который, словно опорный столб, удерживает аргументы Малиа. Но если такая интеллектуальная традиция принимается за основу аналитического инструментария, она неизбежно внесет коррективы, создавая напряжение между «колониальным» и «колонизируемым», «центральным» и «периферийным», «господствующим» и, страшно сказать, «подчиняющимся». В этом смысле некорректно сравнивать Октябрьскую революцию с «классическими атлантическими»: применительно к *тем* язык «успехов» сложился давно, а применительно к *той* его больше не существует.

Парадоксально, но больший смысл имело бы сравнение, в котором российский нарратив был бы сформирован на основании официальной советской историографии – тогда можно было бы сравнивать канон с каноном. В ином же случае итоговые слова автора имеют примерно такую же ценность, как суждения о крахе Французской революции, в которых не было недостатка в 1814 г.

Кто бы рискнул их повторить сейчас?..

Список литературы

Аврех А. Я., Грунт А. Я. Государственная дума // Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 7. М. : Сов. энциклопедия, 1972. Т. 7.

Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М. : Наука, 1986. 254 с.

Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России : Государственная дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. 168 с.

Токвиль А. де. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992. 554 с.

Токвиль А. де. Старый порядок и революция. СПб. : Алетейя, 2008. 248 с.

Maila M. The Soviet Tragedy : A History of Socialism in Russia, 1917–1991. N. Y. : Free Press, 1994. 592 p.

Maila M. Foreword : The Crimes of Atrocity // The Black Book of Communism : Crimes, Terror, Repression / Ed. by M. Kramer. Cambridge ; L. : Harvard University Press, 1999. P. X–XX.

Pocock J. G. A. The Machiavellian Moment : Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton : Princeton University Press, 1975. 602 p.

References

Avrekh, A. Ya., Grunt A. Ya. (1972). *Gosudarstvennaya Duma* [The State Duma] // *Bolschaya Sovetskaya Enciclopedia* : v 30 t. [Big Soviet Encyclopedia in 30 t.]. Vol. 7. Moscow, Sov. Enciclopeida.

Bloch, M. (1986). *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika* [Apology of History, or the Historian's Craft]. Moscow, Nauka, 254 p.

Kiryanov, I. K., Lukyanov, M. N. *Parlament samoderzhavnoy Rossii: Gosudarstvennaia Duma i ee deputati, 1906–1917* [The Parliament of Autocratic Russia: State Duma and Its Deputies, 1906–1907]. Perm, Izdatelstvo Permskogo Universiteta. 168 p.

Maila, M. (1999). Foreword. *The Crimes of Atrocity // The Black Book of Communism. Crimes, Terror, Repression*. Ed. by M. Kramer. Cambridge; London? Harvard University Press. p. X–XX.

Maila, M. (1994). *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991*. New York, Free Press. 592 p.

Pocock, J. G. A. (1975). *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton, Princeton University Press. 602 p.

Tocqueville, A. de. (1992). *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moscow, Progress. 554 p.

Tocqueville, A. de. (2008). *Starii poryadok i revolyutsia* [The Old Regime and the Revolution]. Saint-Petersburg, Aletya. 248 p.

The article was submitted on 10.06.2015

Бугров Константин Дмитриевич,
кандидат исторических наук,
Институт истории и археологии
УрО РАН,
Екатеринбург, Россия
k.d.bugrov@gmail.com

Konstantin Bugrov, Dr.,
Institute of History and Archeology
of the Ural Branch of Russian
Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia
k.d.bugrov@gmail.com